

Астахова Ирина Сергеевна

младший научный сотрудник
сектора арктических исследований
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН

**АРКТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЯКУТИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЭТНОСОВ (1980–1990-Е ГГ.)**

Аннотация:

В статье рассматривается опыт Советского государства в построении модели взаимодействия этносов в арктических районах Якутии в 80-е гг. XX в., а также трансформация советской модели вследствие изменений условий сосуществования этносов в кризисные 90-е гг. XX в. Автор на основе материалов полевых исследований и архивных источников обозначил площадки взаимодействия этносов арктических районов Якутии в переломный период истории России. Прослежены изменения, произошедшие в социуме, которые способствовали обособленному этническому сосуществованию в 90-е гг. XX в. и формированию «северной» территориальной идентичности. «Северность» рассматривается как объединяющее начало для полиэтнического населения Арктики.

Ключевые слова:

Якутия, арктические районы, коренные малочисленные народы Севера, приезжее население, региональная политика, межнациональные контакты, этничность, территориальная идентичность.

Astakhova Irina Sergeevna

Junior Research Associate,
Arctic Researches Sector,
Institute for the Liberal Arts Researches
and the North Indigenous Nation Studies,
Russian Academy of Sciences

**THE ARCTIC SPACE OF YAKUTIA:
INTERACTION OF ETHNIC GROUPS
(1980–1990-S)**

Summary:

The article deals with the experience of the Soviet state in building a model of ethnic groups' interaction in the Arctic regions of Yakutia in the 1980-s. The paper also considers the transformation of the Soviet model as a result of the changes in the ethnic groups' coexistence during the crisis 1990-s. Based on the data of the field researches and archival sources the author identifies the platforms of ethnic groups' interaction in the Arctic regions of Yakutia at the turning-point of the Russian history. The author traces the changes in the society that determined the isolated ethnic coexistence in the 1990-s and the formation of the "Northern" territorial identity. The "Northern" identity is considered as a uniting basis for the multi-ethnic population of the Arctic.

Keywords:

Yakutia, arctic areas, indigenous peoples of the North, newcomers, regional policy, interethnic contacts, ethnicity, territorial identity.

Приоритетным направлением государственной политики современной России является обеспечение роста экономики страны, которое требует реализации комплекса мер по эффективному использованию человеческого, научного, производственного и природного потенциала. Особое место в решении этой задачи отводится северным регионам страны, где сосредоточены богатые природные ресурсы. Развитие Дальнего Востока, включающего Якутию, занимает ключевые позиции в региональной политике РФ. В первом десятилетии XXI в. начался новый этап развития промышленности республики, основа которого заложена в «Схеме комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года». Многие проекты советского периода получили новый импульс, в том числе и в районах проживания коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС). В связи с этим становится актуальным изучение опыта Советского государства по освоению северных территорий, особый интерес представляет формирование межнациональных контактов и этнических сред жизнедеятельности, создание площадок для взаимодействия.

В СССР в период позднего социализма к проблемам этничности обращались представители различных общественных наук: этнографии, демографии, социологии, психологии и других. Знакомство с зарубежными научными концепциями позволило по-новому взглянуть на проблемы межэтнических отношений в нашей стране. На основе совмещения методов сложился социокультурный подход в изучении этнических процессов. В первую очередь это исследования Ю.В. Бромлея, Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколова, В.А. Тишкова и других.

Социокультурный подход нашел отражение и в трудах якутских социологов и историков, в которых рассматриваются вопросы формирования и развития социальных групп населения Якутии, анализируется политика государства в социальной сфере жизнедеятельности северян, в том числе и автохтонного населения. Работы ряда ученых – И.А. Аргунова [1], Б.Н. Попова [2], И.Е. Спиридоновой [3] – помогли обогатить методологическую базу исследования.

Некоторые аспекты межэтнического взаимодействия затрагиваются в научных трудах, посвященных жизнедеятельности аборигенных народов (В.А. Зибарев, Ф.С. Донской, У.А. Винокурова, М.Н. Борисов, Н.Б. Бахтин, В.И. Дьяченко и т. д.), а также в работах, связанных с вопросами демографии и расселения КМНС [4].

Важнейшими источниками для данной статьи стали полевые материалы (полустандартизированные и глубинные интервью), собранные автором в рамках работы в различных проектах и грантах за период с 2005 по 2015 г. [5], и малоизученные документы муниципальных архивов РС (Я).

Повышенное внимание исследователя вызывают этносоциальные процессы, происходящие в северных поселках. Именно здесь сформировались промышленные и транспортные узлы, а также проживало многонациональное население, в том числе и КМНС. Поселки можно охарактеризовать как точки соприкосновения этносов, собственно на примере данного социума можно проследить процессы социокультурного взаимодействия в рассматриваемый исторический период. Поселки городского типа строились повсеместно, в них поселялись приезжие и переселялось автохтонное население из неперспективных сел и кочевий. Безусловно, интересны и этносоциальные процессы, происходящие в совхозах и показательных селах оленеводов.

В 80-е гг. XX в. промышленные поселки арктической зоны республики достигли наибольшего развития. На работу приезжали специалисты со всех регионов страны. В основной своей массе это было русскоязычное население со средним или средне-специальным образованием, с высоким уровнем экономической и социальной активности. Большинство не связывали свою дальнейшую жизнь с Севером; отработав положенный срок, они планировали вернуться на «материк». Значительная часть респондентов, принимавших участие в опросах, рассказывали, что до приезда в якутскую Арктику уже имели опыт работы в районах проживания КМНС и были убеждены в правильности проводимой политики интернационализма. Численность приезжего населения существенно возрастала с каждым годом. В возрастно-половой структуре преобладало мужское население со средним возрастом 30–35 лет, так как государственная политика по освоению Севера была направлена на привлечение молодого трудоспособного населения. Увеличилось количество смешанных браков, что оказывало определенное давление на коренные этносы. Наибольшая численность приезжего населения наблюдалась в 1990 г.

В сельской местности главным образом проживало автохтонное население. Первичная обработка материалов муниципальных архивов арктических районов Якутии и экспертное интервьюирование показали, что к середине 70-х гг. сельскохозяйственное производство постепенно переместилось к промышленным центрам путем укрупнения хозяйств и закрытия нерентабельных производств. Это изменило пространство жизнедеятельности коренного населения. Села, находившиеся вблизи промышленных центров, развивались, а удаленные, постепенно приобретая монопроизводственный характер, к началу 90-х гг. XX в. пришли в упадок.

В первой половине 80-х гг. XX в. интенсивно формировалась социальная инфраструктура северного села и система социальной поддержки сельского населения: открывались больницы, модернизировались школы, создавались средства массовой информации, максимальное развитие получили интернаты и т. п. В частности, развивалась система снабжения промышленными и продовольственными товарами через торгово-снабженческие структуры («Колымторг», «Арктикторг» и т. п.), открывались магазины, осуществлялась выездная торговля, обеспечивались товарами первой необходимости отдаленные производственные участки и т. п.

В этот период развивались контакты между промышленными поселками и селами. Получила развитие так называемая «шефская помощь»: сельхозпредприятиям она оказывалась в сенокосный период и при уборке урожая, предоставлялась и ремонтировалась техника, реализовывалось строительство социальных объектов и жилья в сельской местности за счет промышленных предприятий и непосредственно их коллективами, осуществлялись транспортные перевозки, организовывались совместные культурно-массовые мероприятия (спортивные соревнования, фестивали творчества и т. п.) и т. д. В результате социально-культурные трансформации, проникшие в глубины сельского общества, навсегда нарушили традиционные устои. Нововведения стали частью жизни, отказ от некоторых из них очень болезненно воспринимался обществом в 90-е гг. XX в.

В то же время коренное население оказало огромное влияние на приезжее население в плане взаимодействия с природой. Охота и рыбалка стали для них таким же священным культом. Многие элементы материальной культуры и способы ведения хозяйства были переняты у автохтонного населения. Появилась зависимость от рыболовства, охоты и собирательства как важных компонентов рациона питания, так и пополнения доходной части семейного бюджета. Для некоторых приезжих, осевших в сельской местности и образовавших межнациональные семьи, охота и рыбалка в дальнейшем стали основными источниками дохода.

Промышленное освоение северных территорий вызвало сложные этнические процессы. Советская официальная наука, развивавшаяся в рамках марксистской теории, считала ассимиляцию

мелких групп большими народами естественным этническим процессом. И когда западные коллеги обвиняли советскую власть в русификации, ответ был единодушным: процесс ассимиляции «...происходит без всякого принуждения, на строго добровольной основе и не имеет ничего общего с русификацией...», «...обусловлен потребностями жизни...» [6, с. 108]. Одним из показателей культурной ассимиляции может служить рост числа лиц, считающих русский язык родным. Соответственно уменьшалась доля аборигенов Севера, называющих родным язык своего народа. Это уменьшение шло параллельно с процессом урбанизации народностей Севера [7, с. 91–92]. Переехавшие на постоянное местожительство в города и поселки теряли связь не только с традиционным занятием, но и с традиционной культурой своего народа. Особенно большой процент не владеющих родным языком наблюдался среди представителей молодого поколения [8, с. 50].

В результате анализа источников и литературы советского периода ясно прослеживается официальная версия отношения местного населения к приезжим: интернационализм являлся основной линией советской национальной политики. Успехи социалистического развития общества – результат «братского сотрудничества народов нашей страны», но во всех официальных документах подчеркивается «особая роль русского народа».

В действительности все было не так просто. Ценности западного мира постепенно и порционно проникали в жизнь местного населения. Многие ценности индустриального общества все еще были чужды традиционному обществу, имевшему иные ценностные ориентации. И если на личностном уровне проблемы во взаимоотношении между этносами практически отсутствовали, то на уровне коллективной идентичности возникали непонимания в контексте отношений «свой» – «другой».

Демографическая ситуация с распадом СССР и экономическим кризисом резко изменилась. Сократились или закрылись производства, приезжее население стало массово покидать Крайний Север. Перестроилась этническая структура населения, и соответственно изменились межэтнические пропорции. На фоне суверенизации и этнического подъема, замены приоритетов национальной политики преобразились и отношения местного населения к приезжим и наоборот. В этот период усилились националистические тенденции. Наблюдался системный кризис основ жизнедеятельности и межэтнического взаимодействия. В результате произошла трансформация советской национальной политики в российскую, основы которой были заложены в 90-е гг. XX в. Рушилась социальная сфера, площадки, на которых могли взаимодействовать этносы, теряли актуальность, это вело к обособленному этническому сосуществованию.

Автохтонное население арктических районов Якутии все активнее стало заявлять о себе, объединяться в общественные организации, участвовать в политической деятельности [9] и т. д. К концу XX в. надлом традиционных этнических ценностей привел к обострению социальных болезней общества, а экономический кризис в какой-то степени обострил их. Общество лишилось привычных для себя социальных и духовно-идеологических ориентиров и было вынуждено вернуться к традиционно-этническим ценностям. Возврат к традиционализму помог северным народам найти себя и адаптироваться в быстро меняющемся мире.

При опросе приезжие, оставшиеся в кризисные годы на севере Якутии, подчеркивали, что они ощущали немного настороженное отношение к себе со стороны коренных этносов. В интервью они противопоставляли себя коренным жителям даже несмотря на то, что некоторые кровно породнились с ними, подчеркивая противопоставление «они – мы». Многие респонденты утверждали, что местное общество так до конца и не приняло их, хотя они очень старались и делали все возможное. На личностном уровне практически никогда межэтнические вопросы не возникали, но как только затрагивалась коллективная составляющая, выбор всегда отдавался местному жителю. Чувство несправедливости и некой ущербности присутствовало всегда.

В результате этносоциальных процессов, происходивших в арктических районах Якутии, к концу XX в. можно проследить формирование «северной» территориальной идентичности, в рамках которой могут сосуществовать различные этносы, придерживающиеся определенных традиций, прежде всего бережного отношения к природе. Восприятие «северности» выработалось со временем, но неизменным показателем оставался климатический фактор. Суровый климат всегда воспринимался отрицательно, в то же время он формирует «северный характер» или даже «северную ментальность». Северный климат развивает в людях те качества и добродетели, которые помогают человеку выжить: взаимопомощь, готовность поддержать, сострадание и т. п. Климат накладывает свои особенности на самоидентичность населения Арктики, когда на первый план выходит не этническая, а территориальная принадлежность. «Северность» – это объединяющее начало для жителей Арктики. В северных районах Якутии вследствие географической «оторванности», культурного симбиоза, многонационального состава и сложной системы регионального административного управления у населения происходит совмещение этнической

и территориальной идентичности [10, с. 78]. Возможно, для КМНС Якутии, находящихся под двойным давлением российской и якутской государственности, в понятии «северность» выражается собственная потребность этносов в нациестроительстве.

Ссылки:

1. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в ЯАССР. История формирования и современные проблемы. Якутск, 1988. 227 с.
2. Попов Б.Н. Семейная культура народов Северо-Востока России: традиции и инновации. Новосибирск, 1993. 262 с.
3. Спиридонова И.Е. Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: опыт историко-социологического исследования. Новосибирск, 1999. 102 с.
4. Железнова Г.А. Социальные аспекты миграции коренного, местного и пришлого населения Якутии // Национальные отношения в регионах страны: история и современность. Якутск, 1992. Ч. 2. С. 154–159; Игнатъева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. Новосибирск, 1999. 143 с.; Филиппова В.В. История расселения коренных малочисленных народов Севера Якутии во второй половине XX века : дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2004. 207 с.; и др.
5. Полевые материалы автора (далее – ПМА) за 2008 г. по гранту РГНФ № 08–01–79700е/Т «Эвенки Северо-Запада Якутии в период трансформации российского общества: выживание, адаптация, развитие»; ПМА за 2012–2013 гг. по гранту РФФИ № 12–06–33009мол_а_вед «Пространство жизнедеятельности исчезающего этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв.»; ПМА за 2014 г. по гранту НОФМУ РС(Я) 2014–01–0019 «Этничность в социополитическом пространстве региона (по материалам Республики Саха (Якутия))»; и др.
6. Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. 121 с.
7. Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75–95.
8. Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра. Рыбинск, 1995. 155 с.
9. Григорьев С.А. Общественно-политическое движение коренных народов Якутии (конец 1980-х – 1990-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2011. 181 с.
10. Маклашова Е.Г., Астахова И.С. Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3 (15–16). С. 73–78.

References:

1. Argunov, IA 1988, *Social protection lifestyle YASSR. The history of the modern problems*, Yakutsk, 227 p.
2. Popov, BN 1993, *The family culture of the peoples of the North-East of Russia: tradition and innovation*, Novosibirsk, 262 p.
3. Spiridonova, IE 1999, *Ethnic and cultural cooperation and inter-ethnic relations in Yakutia: the experience of historical and sociological research*, Novosibirsk, 102 p.
4. Zheleznova, GA 1992, 'Social aspects of the migration of indigenous, local and alien population Yakutia', *National relations in regions of the country: history and modernity*, Yakutsk, part 2, p. 154-159; Ignatyeva, VB 1999, *The Republic of Sakha (Yakutia): retrospective of ethno-political history*, Novosibirsk, 143 p.; Filippova, VV 2004, *The history of settlement of indigenous peoples of Yakutia in the second half of the twentieth century*, PhD thesis, Yakutsk, 207 p.; and etc.
5. Field data of the author (hereinafter – FDA) for the 2008 grant RHF no. 08-01-79700e/T "Evenks of north-west of Yakutia in the transformation of the Russian society: the survival, adaptation, development"; FDA 2012-2013, the grant RFFI no. 12-06-33009mol_a_ved "space of life disappearing ethnic group: Yukagirs of Yakutia in XX-XXI centuries"; FDA 2014 for the grant MNLF Sakha (Yakutia) 2014-01-0019 "Ethnicity in the socio-political space in the region (based on the Republic of Sakha (Yakutia))"; and etc.
6. Zibarev, VA 1972, *Most of the fate of small nations*, Novosibirsk, 121 p.
7. Sokolova, ZP & Stepanov, VV 2007, 'Indigenous People. Dynamics of the number of census data', *Ethnographic Review*, no. 5, p. 75-95.
8. Borisov, MN 1995, *The small ethnic groups of the North: yesterday, today and tomorrow*, Rybinsk, 155 p.
9. Grigoriev, SA 2011, *Socio-political movement of Indigenous Peoples of Yakutia (the end of the 1980s - 1990s)*, PhD thesis, Yakutsk, 181 p.
10. Maklashova, EG & Astakhova, IS 2014, 'Ethnicity and Identity: the ratio and features of formation in the conditions of the national entity of the Russian Federation', *Discourse-Pi*, no. 2-3 (15-16), p. 73-78.